

Глава VI

Россия, Иран и Азербайджан. Исторические истоки внешней политики Ирана

ФИРУЗЕ НАХАВАНДИ

---

1. Введение

Начиная с XVIII в. Иран оказался вовлеченным, говоря словами Киплинга, в «великую игру»^[1], в ходе которой великие державы того времени — Великобритания и Россия — вели между собой борьбу за влияние. Для первой из них на чаше весов стояло сохранение своей власти над индийским субконтинентом, а для последней речь шла о противодействии британскому влиянию и получении доступа к теплым морям. В то время правители Ирана отчаянно пытались сохранить независимость своей страны, противостоя России и Великобритании. Эта политика основывалась на поисках равновесия между великими державами. Она была сформулирована в XIX веке одним из самых блестящих премьер-министров в истории страны — Мирза Таки-ханом Амир Кабиром^[2]. Русские и англичане претендовали на регионы, которые исторически никогда им не принадлежали: напротив, они либо принадлежали Ирану, либо находились под иранским культурным влиянием. Агрессивные замыслы русских в регионе могли сдерживаться лишь империалистическими амбициями Великобритании, кульминацией которых явилось завоевание индийского субконтинента.

Независимость индийского субконтинента и уход англичан из Персидского залива не смогли вывести Иран из борьбы между великими державами. Великобритания передала эстафету США, и битва за гегемонию между США и СССР длилась на всем протяжении «холодной войны». Речь шла не столько о присоединении новых территорий, сколько о навязывании своего влияния стране, богатой сырьем, в частности нефтью, и расположенной в одной из самых чувствительных геостратегических точек на земном шаре. Иран никогда не мог быть уверен, что процесс территориальной или идеологической экспансии со стороны северного соседа действительно завершился. Кризис 1945 г. в Иранском Азербайджане и вторжение в Афганистан в 1979 г. служили ему напоминанием об опасности со стороны советских войск. Точно так же, как начиная с XVIII в. Иран в своей внешней и внутренней политике руководствовался поисками баланса силы, теперь их место занял страх перед коммунистическим проникновением. В этом

плане крах советской империи и внезапное исчезновение границы с СССР длиной в 1700 км имели важные геополитические последствия и представляют собой событие решающей важности в истории Ирана.

Таким образом, впервые с XVIII в. ослабление «угрозы с Севера» предоставило Ирану передышку и одновременно породило новые устремления. Оно создало новые геополитические возможности на Кавказе и в Средней Азии, в то же время открывая новые пути в Европу через Кавказ. Эта специфическая дорожная сеть была полностью блокирована после захвата коммунистами власти в России. Сегодня Иран имеет много общего со своими соседями, будь то в историческом, культурном или лингвистическом плане; поэтому, несмотря на многие различия, существует и много возможностей для взаимопонимания, которые намерена использовать эта страна.

Ниже мы попытаемся показать, что истоки внешней политики Ирана в отношении Азербайджана уходят в прошлое взаимоотношений Ирана и России, а позднее СССР. Мы приоткроем завесу над некоторыми чертами иранской политической культуры, приведя примеры чувствительных моментов и противоречий, из которых соткано представление Ирана о своей внешней политике.

2. Национальная безопасность и проблема национальностей

Наблюдатели, внимательно следящие за иранской внешней политикой, бывают поражены как ее внутренними противоречиями, так и необычайной долговременной преемственностью, которая ее отличает. Во все периоды меняющаяся политика отражает разочарование и беспомощность, испытываемые Ираном по отношению к великим державам, господствовавшим над страной в течение более двухсот лет. Это разочарование и беспомощность усугубляются памятью о постоянных на протяжении истории вторжениях в Иран со стороны греков, арабов, монголов, турок, афганцев, русских и англичан.

Как выразился Грэм Фуллер, персидский ковер олицетворяет немало характерных черт иранского духа. По его мнению, это культура, склонная к неумеренности почти во всех отношениях^[3]. Это отражается и на внешней политике. Традиционно иранцы отличаются явной склонностью к преувеличениям в лексиконе и образности при описании людей и событий. Так, например, царя величали «стержнем вселенной» или «тенью Бога», а в антизападной риторике говорят о «большом» и «малом Сатане». В недавней работе Ерванд Абрамян^[4] показывает, как в иранском политическом лексиконе, где в ходу такие слова, как «марионетка» или «шпион», международные отношения видятся как театр марионеток, в котором иностранные державы, дергая за невидимые нити, контролируют местных политических деятелей. С точки зрения Хомейни, империализм при помощи «пятой колонны», состоящей из различных меньшинств (евреев, бехаистов, масонов), представляет постоянную угрозу для мусульман в Иране. Ввиду этого он повсюду видел заговоры и шпионов. Наблюдатели отмечали

существование в Иране политической паранойи, под которой мы имеем в виду не психическое заболевание, а политический стиль, коренящийся в историческом опыте.

Иранцы истово гордятся своей культурой и считают ее одной из самых древних в мире. В результате этого они испытывают чувство отдельности от своих соседей и даже превосходства над ними, определяя свою специфичность в противовес неиранским народам, которые окружают страну. Одной из наиболее заметных линий водораздела является дихотомия между Ираном и Тураном, другими словами, между иранцами и турками^[5].

Иран состоит из множества национальностей. Не все они говорят персидски или имеют персидское происхождение — как, например, азербайджанцы, туркмены или белуджи. Эти меньшинства были включены в состав современного Ирана в результате процесса создания нации, начатого в XVI веке Сефевидами, а позднее процесса модернизации. Идея национального государства получила особенное развитие в XX веке. Иран по-прежнему испытывает нервозность по поводу автономистских тенденций внутри своих границ, тенденций, которые порой эксплуатировались политическими группировками и даже поощрялись иностранными державами.

Существуют опасения (даже если такая возможность кажется маловероятной), что Россия или какой-нибудь другой сосед рискнет подстегнуть революционное или сепаратистское движение. В целом, однако, длительное господство персидской культуры способствовало интеграции курдского, белуджского, туркменского и арабского меньшинств. Тем не менее демонстрации, состоявшиеся в феврале 1994 г. в городе Захедан провинции Систан-Белуджистан, — в ходе которых некоторые автономистские устремления сочетались с лозунгами, враждебными режиму, — показали, что центральная власть не может игнорировать проблему меньшинств.

3. Исламская революция и внешняя политика

Иранская революция 1978 — 1979 гг. открыла новую главу в международных отношениях. Перемена касалась самой сути революционного проекта^[6]. Этот проект представлял собой в первую очередь универсализацию мира, охватывающую все человечество (так родился *homo islamicus*). Он был направлен на то, чтобы перестроить социальный порядок и передать свою концепцию вселенной всему миру. С приходом исламской революции Исламская Республика Иран в своей внешней политике отказалась от решительно прозападной позиции, характерной для прежнего режима, в пользу исламской позиции.

В исламской внешней политике^[7] мир понимается как разделенный на дар-уль-ислам — мусульманский мир и дар-уль-ширк — «мир нечестия и многобожия». Оливье Руа отмечает, что, «согласно этой теории, не

существует национального государства на определенной территории, имеющего границы и юридическое лицо. Аль-умма, община верующих, не делится на государства, и, более того, с государством неверных не следует вести дела на равных. Сама основа современной дипломатии — принцип, согласно которому отношения между суверенными государствами теоретически равны, отсутствует»^[8].

Исламская Республика пыталась представить себя как религиозный центр мусульманского мира — вступая здесь в конкуренцию с Саудовской Аравией — и хотела бы эксплуатировать шиизм, имея в виду эту политическую цель. В исламской дипломатии государство должно служить религии, а религия служит интересам государства. В этом контексте внешняя политика была обязана демонстрировать независимость от великих держав и способствовать торжеству исламской революции.

Различные фазы внешней политики Исламской Республики можно охарактеризовать следующим образом:

- С февраля 1979 г. по июнь 1981 г., при правительстве Базаргана и президентстве Бани Садра еще преобладали либеральные течения. В течение этого периода высшие должностные лица стремились поддерживать сердечные отношения с Западом и даже США, проводя политику неприсоединения. Эта политика находилась в соответствии с линией Мосаддыка — премьер-министра, объявившего о национализации иранской нефти в начале 50-х гг. XX в.^[9]
- С 1981 по 1984 г. Иран пережил период изоляции, заняв позицию конфронтации, в результате которой у него осталось мало союзников в регионе^[10].
- С 1984 г., по-видимому, утвердился некоторый прагматизм^[11]. Это соответствует смене власти внутри страны и многочисленным провалам за границей. Внутри самого Ирана бразды правления взяло в руки более реалистическое руководство. Подобно соперничающей фракции, которую иногда считают идеалистической, оно все еще желает распространить в мире исламский порядок, но показало себя более склонным к компромиссам в области внешней политики. Иллюстрацией этой новой тенденции служит президентство Рафсанджани, названное на Западе «умеренным» благодаря проводимому им курсу на открытость Ирана внешнему миру.

Эту перемену ориентации можно объяснить постоянными провалами революционной политики. Шиитскому Ирану не удалось ни сгладить разрыв между шиитами и суннитами в мусульманском мире, ни утвердиться во главе раскольнических суннитских движений, будь то в Египте, Афганистане или Алжире. Иран не смог заменить Саудовскую Аравию в плане оказания поддержки суннитским движениям, и поэтому ему ничего не оставалось, кроме как прибирать к рукам мелкие

маловлиятельные группировки. Страна не добилась большого успеха и в дестабилизации консервативных режимов в других мусульманских странах. Проводя свою политику поощрения панисламизма, Иран натолкнулся на противодействие с трех сторон: арабской, суннитской и консервативной. В результате руководство вернулось к достижению более реалистичных целей. Даже если идеология соседей вступает в конфликт с идеологией Исламской Республики, руководители Ирана стремятся поддерживать добрые отношения с лидерами этих стран, обозначая свое присутствие путем предоставления различных полезных услуг или участия в мирных переговорах. Правительство Ирана также желает укреплять свои экономические связи с этими соседями. Это не обязательно означает изменение целей и задач, но в первую очередь представляет собой коррекцию его стратегического курса.

Иран, например, занял очень осторожную позицию в отношении конфликта между азербайджанцами и армянами. Порой он оказывал негласную помощь последним, несмотря на свои официальные декларации о поддержке мусульманского дела во всем мире. Он поддерживает дружеские отношения с экс-коммунистическими руководителями Средней Азии и Кавказа. Некоторая разрядка имеет место и в иранско-американских отношениях, чему способствовала позиция Ирана по конфликту в Персидском заливе. Стремление к проведению более прагматической политики не означает, что Иран отказался от своих революционных традиций. Спустя более десяти лет после своей кончины Хомейни остается главным ориентиром при обсуждении принципов внешней политики. Что касается экспорта революции, то Исламская Республика также имеет неутешительный послужной список, включая среди прочих акций поддержку ею неудачной попытки государственного переворота в Бахрейне в январе 1980 г., ответственность за бомбардировку Кувейта в декабре 1983 г., посылку революционных гвардейцев в Ливан и причастность к взятию заложников в этой стране. Даже в наши дни Иран обвиняют в поддержке исламских движений в Судане и Египте^[12].

По мнению ряда обозревателей^[13], Иран напоминает бывший СССР тем, что внешняя политика обоих государств может быть изображена в виде двух кругов. В Советском Союзе в первом круге фигурировали цели прежней Российской империи, а во втором — цели социализма. Аналогичным образом в иранских имперских представлениях в первом круге значатся национализм и покорение близлежащих территорий, а второй охватывает революционную идеологию и поддержку революционных движений в отдаленных странах.

4. Конфликты с Россией в иранской исторической памяти

Позиция Ирана по отношению к Азербайджану может быть понята лишь на основе анализа исторических отношений между Ираном и его могучим северным соседом. Конфликты и войны с Россией составляют часть

исторической памяти иранского народа. Первое русское (московитское) посольство было открыто в Иране в 1561 г., что свидетельствует о долгой традиции контактов между Ираном и Россией. Продвижение России на юг началось с Петра Великого, и в 1722 г. русская армия впервые заняла большую часть тогдашнего иранского Кавказа и провинции Гилян, Мазандеран и Астрабад на южном берегу Каспийского моря. Надир-шаху Афшару удалось изгнать русских с оккупированных территорий. В 1783 г. Екатерина Великая установила российский протекторат над Грузией, которая затем была повторно занята Ага Мухаммед-ханом Каджаром, который вновь взял Тифлис в 1795 г. В 1801 г. Александр I спровоцировал первую большую русско-иранскую войну, объявив о присоединении Грузии к Российской империи. В результате поражения Ирана в этой войне Грузия и часть Армении были им утрачены. Западные державы, казалось, были этим не слишком озабочены: «Приход русских в Грузию и их окончательная оккупация страны в 1801 г. не привлекли внимания европейских государственных деятелей, внимание которых было целиком поглощено наполеоновскими войнами»^[14]. Гюлистанский договор, подписанный 12 октября 1813 г., после еще одного иранского поражения, имел тяжелые последствия для Ирана. Этот договор обязал императора всероссийского помогать шахиншаху Ирана в увековечении своей династии, — тем самым подразумевалось, что он имеет право вмешиваться в политические дела Ирана. В будущем русские будут постоянно ограждать государей Ирана от любых попыток модернизации или демократизации.

В 1826 г. началась новая русско-иранская война за оккупированные территории. Она окончилась очередным поражением Ирана и подписанием Туркманчайского договора с Николаем I в 1828 г. По этому договору Иран потерял Северный Азербайджан и большую часть Армении вместе с ее столицей Ереваном. Поражение Ирана внушило представителям некоторых интеллектуальных и военных кругов убеждение в том, что 17 городов Кавказа должны быть отвоеваны. Впоследствии это даже привело к созданию паниранистской партии наподобие пантюркистского движения Энвер-паши^[15]. В 1828 г., еще один договор подтвердил ограничение иранского суверенитета в пользу Российской империи^[16]. В последней половине XIX в. русские продолжали поддерживать борьбу шаха против тенденций к демократизации внутри страны.

В начале XX в. в Иране произошла революция. В результате были введены ограничения на полномочия государя и Иран стал конституционной монархией на манер Бельгии. Русские решительно воспротивились этому — в июне 1908 г. они поддержали государственный переворот, возглавлявшийся Мухаммедом Али-шахом. Казачья бригада, основанная в 1879 г. с российской помощью^[17], и находившаяся под командованием полковника Ляхова, подвергла парламент артиллерийскому обстрелу. В 1909 г. шах был свергнут революционными армиями и вынужден укрыться в Одессе.

В начале XX в. между Ираном и Россией существовали широкие торговые связи. Около 60% внешней торговли Ирана приходилось на царскую Россию.

Были проложены многочисленные линии коммуникации, связывавшие города Северного Ирана и Россию, и к 1911 г. около 200 тыс. иранских рабочих трудились в промышленных районах России, включая Баку и Тифлис. Связи между Азербайджаном и Ираном были в такой же мере политическими, как и экономическими. Например, иранские эмигранты были явно политизированы и испытывали влияние русской революционной среды. Многие «конституционалисты», позднее ставшие социал-демократами и коммунистами, также были выходцами из районов Северного Ирана, имевших тесные связи с Россией. Партия «Эдалат», позднее ставшая Компартией Ирана, была образована на бакинских нефтепромыслах в 1918 г.

Революция 1917 г. привела к возникновению в Закавказье независимой республики. В мае того же года Мусульманский Национальный Совет провозгласил независимость Азербайджана. В апреле 1920 г. была провозглашена советская республика Азербайджан. В том же году в Иране, в результате многочисленных столкновений с центральным правительством, Шейх Мухаммед Хиабани (депутат из Тебриза, поддерживавший тесные связи с группами из Советского Азербайджана) объявил об образовании местного правительства. Эта декларация послужила началом автономистского движения в Иране, которое власти представили как сепаратистское движение, связанное с иностранными державами^[18]. Это движение было подавлено правительственными войсками^[19].

Во время второй мировой войны, в результате объявления Реза-шахом нейтралитета, союзники вторглись в Иран, с тем чтобы иметь возможность доставлять в СССР оружие и боеприпасы. Советы оккупировали Иранский Азербайджан в 1941 г., оставаясь там почти пять лет. В 1945 г., после дебатов о введении и использовании азербайджанского языка, Пишевари, член коммунистической партии, подхватил лозунг о свободе языков и объявил о создании Демократической партии Азербайджана. Эта партия поддерживалась Советским Азербайджаном. Существовала договоренность о том, что все иностранные войска будут выведены из страны по окончании войны, но Красная армия, вместо того чтобы соблюдать это соглашение, стала вооружать и поддерживать сепаратистские движения азербайджанцев и курдов. Лишь после трудных переговоров между иранскими и советскими властями было достигнуто соглашение, которое предусматривало вывод советских войск в обмен на нефтяную концессию. После этого Москва заявила, что азербайджанский вопрос является внутрииранской проблемой, и прекратила свою поддержку сепаратистского движения. В ноябре 1946 г. это движение пало под ударами центрального иранского правительства^[20].

После ухода Советской Армии цель советской политики в одинаковой степени заключалась как в поддержке иранской компартии Туде, так и в развитии дружеских межгосударственных отношений. Эта политика была пронизана противоречиями, и, когда возникала в том необходимость, Туде приносилась в жертву во имя национальных интересов. Москва, всегда

критически относясь к растущей военной зависимости Ирана от США, стала поставщиком оружия Тегерану. Это балансирование можно истолковывать либо как иранскую стратегию разыгрывания советской карты против американской в целях укрепления своей позиции на переговорах, либо как советскую попытку, направленную на то, чтобы побудить шаха отказаться от западной карты.

Для предотвращения идеологического проникновения и ослабления любых поползновений к автономии Иранский Азербайджан стал управляться губернатором как провинция. Он был административно разделен в 1946 г. на две части со столицами в Тебризе и Резае. В январе 1993 г. парламент Ирана принял новый закон, по которому был разделен и Восточный Азербайджан и создана третья азербайджанская провинция с новой столицей в Ардебиле. Эта политика, свойственная как старому, так и новому режиму, свидетельствовала о беспокойстве, с которым иранские власти относились к решимости азербайджанцев стать независимыми.

Это не означает, однако, что эти власти препятствовали бы участию азербайджанского меньшинства в центральном правительстве. Политическая сегрегация в любом случае противоречила бы историческим традициям страны, так как история Ирана характеризуется большой политической и экономической активностью азербайджанцев. Со времени средневековых вторжений турецкое или тюркоязычное население даже имело более высокий социальный статус, чем иранцы. В сефевидский период, в XVI и XVII вв., турецкий язык был языком двора. Можно отметить даже некоторое тяготение к османской модели вплоть до середины XIX в., когда Иран стал поворачиваться лицом к Европе. Снижение социальной оценки азербайджанцев, проявляющееся, в частности, в пренебрежительных шутках, относится к этому времени. Такая нелюбовь, однако, никогда не находила отражения на политическом уровне^[21].

Несмотря на участие азербайджанских элит в экономической и политической жизни страны, желание азербайджанцев отделиться все же могло бы возникнуть либо вследствие социального недовольства, либо, как это было в послевоенный период, ввиду поддержки извне. Такое отделение имело бы драматические и неисчислимы последствия для Ирана — многонациональной страны, где централизация была достигнута с некоторым трудом. Если бы азербайджанцы отделились, это означало бы потерю богатой провинции и большого числа кадров и интеллигенции. Такой поворот событий также оказал бы влияние на другие провинции Ирана, и общая стабильность в стране оказалась бы под угрозой. Для Тегерана воссоединение Азербайджана с Ираном было бы столь же дестабилизирующим фактором, как и отделение Иранского Азербайджана от Ирана, так как это пошатнуло бы демографический баланс, сделав азербайджанцев крупнейшей этнической группой в Иране (сегодня в Азербайджане проживает 9 млн азербайджанцев из общей численности населения около 55 млн человек — в то время как население Азербайджанской Республики составляет 6 млн).

Вслед за включением части Азербайджана в состав России, а затем Советского Союза, оба Азербайджана пошли различными путями. Лидеры Азербайджанской Республики, отделившись от Советского Союза, выразили явное предпочтение турецкой, а не иранской модели развития. В Иране программа модернизации, начатая Реза-шахом, с 1925 г. сопровождалась централизацией страны и проповедью идеи национального государства. Сегодня азербайджанцы в Иране считаются этнической группой, составляющей неотъемлемую часть иранской нации. С другой стороны, что касается религии, Исламская Республика не слишком популярна среди духовенства Иранского Азербайджана, которое даже встало на сторону оппонентов Хомейни, например Шариат-Мадари.

5. Заключение

Отношения между Ираном и Россией были конфликтными с XVII в. и привели к потере Ираном многих территорий на Кавказе, включая часть Азербайджана. Иран опасался как нарушения своей территориальной целостности со стороны Советского Союза, как случилось во время второй мировой войны, так и идеологического «заражения» населения внутри своих границ. Распад СССР означал для Ирана начало новой эры, хотя не все его региональные и идеологические амбиции были реализованы. Что же касается его стремления к региональной стабильности, то опасность воссоединения азербайджанского народа, как кажется, временно отступила. Со времени аннексии части Азербайджана Россией в прошлом столетии политическая и экономическая модернизация в Советском Союзе пошла иными путями по сравнению с Ираном. Вследствие этих различных исторических традиций политическая воля азербайджанского народа к воссоединению ослабла. Глубокие различия между обеими частями Азербайджана умили стремление азербайджанцев обеих стран объединиться друг с другом, что согласуется с желаниями Ирана. С другой стороны, эти различия также ограничили политическое и религиозное влияние Ирана на Азербайджанскую Республику, а это далеко не соответствует целям иранских лидеров.

Иран всегда считал себя региональной державой, призванной помешать Турции получить перевес в качестве доминирующей державы. В этой игре Турция, видимо, имеет лучшие карты в том, что касается Азербайджанской Республики. Хотя Иран проводит сегодня более прагматичную внешнюю политику, чем в прошлом, Ирану не удалось по-настоящему убедить лидеров Азербайджана в превосходстве своей модели развития над турецкой. Таким образом, будучи ограничен в своем идеологическом и политическом влиянии, Иран пока что вкладывает свои усилия в экономические проекты^[22].

---

^[1] Эта метафора в основном использовалась для изображения британско-русского соперничества в XIX в. (см.: Brown L. Carl. *International Politics and the Middle East: Old Rules, Dangerous Game*). Princeton, 1984.

^[2] На эту тему см.: Ramazani R. K. *The Foreign Policy of Iran, 1500—1941: A Developing Nation in World Affairs*, Charlottesville, 1966.

^[3] См.: Fuller G. *The Center of the Universe. The Geopolitics of Iran*, San Francisco; Oxford, 1991. P. 13.

^[4] См.: Ervand Abrahamian. *Khomeinism*. London; New York, 1993. См. в особенности главу 5.

^[5] См.: первую главу в кн.: Тм.: Fuller G. *Op. cit.*

^[6] См.: Decoufle A. *Sociologie des Revolutions*. Paris, 1970.

^[7] См.: Djalili Muhammad Reza. *La diplomatie islamique*. Geneva. 1989; Roy Olivier. *Sous le turban, la couronne*. — In: *Thermidor en Iran*. Brussels. 1993. P. 92 — 138.

^[8] *Ibid.* P. 93 — 94.

^[9] О Мосаддыке см. среди прочих работу: Katouzian Homa. *Mussadik and the Struggle for Power in Iran*. London; New York. 1990.

^[10] На эту тему см.: Behrooz M. *Trends in the foreign policy of the Islamic Republic of Iran, 1979 — 1988*. — In: N. R. Keddie and M. Gasiorowski (eds.). *Neither East nor West*. New Haven — London. 1990. P. 13 — 35.

^[11] Ramazani R. K. *Iran's Revolution. The Search for Consensus*. Bloomington. 1990. P. 48 — 68.

^[12] На эту тему см. серию статей в газете «Фигаро» от 28 и 30 июля, а также 6 августа 1993 г.

^[13] См. там же.

^[14] Bammate Haidar. *The Caucasus and the Russian Revolution (from a Political Viewpoint) // Central Asian Survey*. Vol. 10. 1991. N 4. P. 4. Эта статья представляла собой английский перевод статьи, опубликованной в 1929 г. Национальным союзом эмигрантов Республики Северного Кавказа под заглавием: *Le Caucase du Nord et la revolution russe (Aspect politique)*.

^[15] Эти идеи не ушли в прошлое. До исламской революции известный иранский генерал Ариана высказывал паниранистские идеи. Даже сегодня мечта об объединении Азербайджана путем повторного присоединения его к Ирану все еще остается реальной надеждой для ряда иранских интеллектуалов и военных.

^[16] «Оккупация Кавказа была существенной частью плана России по проникновению в Персию. ... Действительно, с закрытием вольного порта Батум в 1813 г., а также всех транзитных путей через Кавказ, Россия фактически изолировала все цветущие районы Северной Персии. С тех пор вся российская политическая деятельность в Персии начиналась с Кавказа.

^[17] Насир ад-дин Шах совершил много поездок в Европу и принял предложение царя о том, чтобы русские обучили армию, которая служила бы шаху личной охраной. Таким образом, в течение около сорока лет «казачьей бригадой» командовали русские офицеры и она служила политическим целям России, а не шаха Ирана.

^[18] Хиабани даже предлагал создать отдельное образование, включающее оба Азербайджана, которое называлось бы «Азадистан».

^[19] См.: Makki H. *Tarikhe bist saleye Iran*. Vol. 1. 1961. P. 34 — 54; Mokhber ol Saltane Hedayat. *Khaterat va khatatat*. Tehran. 1961. P. 314 — 320.

^[20] Согласно одной интерпретации этих событий (см. Kuniholm Bruce. *Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey and Greece*. Princeton, 1980), позиция СССР в отношении Ирана являлась агрессивной и интервенционистской. Целью Сталина было создание марионеточных государств на южных границах своей страны с целью оказать давление на Турцию, а также вытеснить западные державы из региона. Эта характеристика намерений Сталина ныне оспаривается некоторыми специалистами по этим регионам. См.: Hermann Richard. *The Role of Iran in Soviet Perceptions and Policy*. — In: *Neither East nor West*. Op. cit.. P. 63—99. Об Иранском Азербайджане см.: Kasravi A. *Azari ya zabane bastane Azarbaijan*. Tehran, 1938, а также книгу того же автора: *Tarikhe hedjdah saleye Azarbaijan*. Tehran, Amir Kabir, 1978, или недавнюю англоязычную работу: Atabaki T. *Azerbaijan: Ethnicity and Autonomy in Twentieth-Century Iran*. London, 1993.

^[21] Об отношениях между тюрко- и персоязычными см.: Planhol X. de. *Le fait turc en Iran: quelques jalons*. — In: *Le fait ethnique en Iran et en Afghanistan*. Paris, 1988.

^[22] См.: Sarir M., Ghorban N. *Tahavollate sanate naft Azerbaidjan va mogheyate mantaghei va beinolmelali* // *Central Asian and Caucasian Review*. Vol. 2. N 1. Summer 1993. P. 169 — 183.